

Поэтому весьма важно, *кто и каким способом* осуществляет от имени общества выбор положения на одной и той же границе производственных возможностей (точки *B* или *C* на рис. 1.1, *G* или *E* на рис. 1.3). Ведь этот выбор в конечном счете и предопределяет распределение наличных ресурсов между конкурирующими или альтернативными целями.

1.3. КТО И КАКИМ ОБРАЗОМ?

Индивидуальный и общественный выбор совершается в определенный момент исторического времени, в контексте определенной организации общества, структуры власти, системы убеждений и нравственных ценностей.

Человечество выработало множество способов организации распределения ограниченных ресурсов и результатов производства между альтернативными целями и субъектами конкуренции. Если отбросить принцип грубой силы, распространенный прежде всего в сфере межгосударственного, а до того межплеменного распределения *естественных* ресурсов, то эти способы могут быть классифицированы в три основные группы:

- 1) основанные на традициях и обычаях;
- 2) основанные на рыночном механизме;
- 3) основанные на командно-административных методах.

Традиции и обычаи, регулирующие сегодня в основном частную жизнь людей, играли несравненно большую роль в древнем и средневековом обществе (наследование занятий, социального статуса и ролей, многочисленные табу, социальные перегородки, кастовая, цеховая, общинная замкнутость, детальная регламентация многих сторон частной жизни). Но и в современном обществе традиции и обычаи оказывают влияние на многие стороны экономической жизни — деление профессий на «мужские» и «женские», приемлемый обществом уровень дифференциации доходов, некоторые способы распределения потребительских благ, особенно в небольших социальных группах.

Рынок — это общественный механизм распределения благ посредством *добровольного обмена*. Обмен может совершаться непосредственно, в форме *бартера* (обмен значками, марками, подарками, обмен «шефской помощи» по уборке овощей на часть

урожая, строительных материалов на телевизоры, и т.п.), и посредством промежуточного обмена благ на особый товар, являющийся всеобщим, признанным всеми средством обмена и единицей счета (*numéraire — фр.*), — *деньги*. Во втором случае обмен принимает форму *купли-продажи*, а его участники приобретают *легальный статус продавцов и покупателей*. Продавцы обменивают товары на деньги, покупатели — деньги на товары.

Использование денег облегчает обмен, избавляет от необходимости поиска контрагентов, готовых обменять, скажем, «*шило*» именно и только на «*мыло*» или наоборот. Кроме того, использование денег позволяет включить в обмен *промежуточные товары*, не являющиеся конечными потребительскими благами, и таким образом способствует углублению разделения труда, специализации производства. Наконец, использование денег позволяет вести экономические расчеты, сопоставлять доходы и расходы, выручку и затраты, определять прибыли и убытки.

Нормы обмена товаров на деньги называют денежными *ценами* товаров. Наоборот, нормы обмена денег на товары называют товарными ценами денег.

Субъектами рынка, или экономическими агентами, являются:

индивидуумы, иначе домохозяйства или потребители, покупающие конечные потребительские блага и услуги;
предприятия, осуществляющие преобразование первичных ресурсов в конечные или промежуточные блага и услуги;
собственники первичных производственных ресурсов.

Роли экономических агентов могут, конечно, совмещаться. Так, индивидуумы обычно являются не только покупателями конечных благ, но и собственниками своей рабочей силы, а нередко и других первичных ресурсов, например земли. С другой стороны, домохозяйства являются и предприятиями по производству многих конечных благ и услуг (приготовление пищи, строительство дома, ремонт квартиры, работа в саду). В качестве экономических агентов могут выступать также разнообразные общественные организации и объединения граждан, а также государство.

Обращающиеся на рынке блага (осязаемые и неосязаемые) называют, независимо от их происхождения, *товарами*. Последние различаются своими физическими свойствами и поло-

жением в пространстве—времени. Так, помидоры в Астрахани и в Архангельске — это разные, хотя, быть может, и физически однородные товары, равно как и помидоры ранней весной и поздней осенью. Эти различия объясняются *отсутствием совершенной* (вне времени и пространства) *замещаемости* товаров в производстве и потреблении.

Идеально рыночный механизм исключает какое-либо внешнее по отношению к самому рынку, государственное установление цен и объемов продаж, предполагает свободную игру рыночных сил. Государству отводится при этом роль «ночного сторожа», наблюдающего за соблюдением правил поведения на рынке, который рассматривается как самодостаточный инструмент для решения любых экономических проблем.

Каждый отдельный человек, считал А. Смит, старается употребить свой капитал так, чтобы продукт его обладал наибольшей стоимостью. Обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он ей содействует. Он имеет в виду лишь свой собственный интерес, преследует лишь собственную выгоду, причем «в этом случае... он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».¹⁰ Это — знаменитая «теорема о невидимой руке», ставшая символом веры для многих поколений экономистов. Для многих, но не для всех. Иные предпочли «невидимой руке» рынка «видимую руку» государства.

Если рынок основан на добровольном обмене товарами и услугами независимых, оптимизирующих свое положение субъектов, то государственное управление экономикой предполагает использование властных или, иначе, *командно-административных методов*. Эти методы *идеально* ориентированы на организацию общественного хозяйства по образу «единой фабрики»¹¹ или «единого поместья».

Вот как представляет «государственное хозяйство без частной собственности на землю и капитал» один из выдающихся теоре-

¹⁰Смит А. Богатство народов. С. 332.

¹¹«Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101).

тиков социализма К. Родбертус: «Но теперь, вместо того чтобы покупать у себя самого сырой продукт, снова продавать его самому себе как полуфабрикат и т.д., оно (государство. — В. Г., С. И., В. М.) должно только так проявить *свою волю*, чтобы сырой продукт шел на фабрики и, после того как он пройдет по различным производственным ступеням, распределялся бы между потребителями... Это совершалось бы при помощи административного распоряжения, приблизительно так, как в настоящее время в каком-либо сельском хозяйстве необходимо лишь хозяйственное распоряжение управляющего для того, чтобы вымолоченная рожь была доставлена на другой ток для очистки». ¹²

В таком обществе хозяйственные связи между контрагентами и нормы обмена устанавливаются и поддерживаются центром посредством иерархически построенной системы управления. Добровольный обмен либо полностью запрещен, либо существенно ограничен, а его остатки вытеснены на периферию экономической жизни, где они формируют сферу *теневой* экономики. Таким образом, *обмен заменяется распределением*. Субъекты хозяйственной деятельности меняют свой статус продавцов и покупателей на статус государственных служащих или чиновников — исполнителей воли или «хозяйственных распоряжений управляющего», а государство целиком поглощает гражданское общество, сливается с ним в единое, нерасчленяемое целое.

Как писал в 1809 г. один из специалистов в области «*Staatskunst*» А. Мюллер (1779–1829), «государство не есть простая мануфактура, ферма, страховое учреждение или торговая компания; оно есть тесное единение всех физических и духовных потребностей, всего материального и духовного богатства, всей внутренней и внешней жизни нации — единение в великом,

---

¹² Родбертус К Капитал : Четвертое социальное письмо к фон Кирхману. СПб., 1906. С. 80, 99.

Карл Иоганн Родбертус-Ягцов (1805–1875) — немецкий экономист и политический деятель. В отличие от К. Маркса связывал переход к новому обществу не с революционными преобразованиями и диктатурой пролетариата, а с изменением сущности собственности: «...пусть в действительности собственность на землю и капитал станет прежде всего *более „должностью“*, а ее рента *более „жалованьем!“*» (там же. С. 151).

умственном, вечно движущемся и живущем целом». ¹³ Попытки воплотить в той или иной форме, под тем или иным флагом эти идеалы в жизнь характерны для ряда тоталитарных режимов XX в.

Государственное назначение цен как желанная альтернатива вольному, рыночному ценообразованию всегда было неременным элементом многочисленных проектов «идеального» государства будущего. В одном из них, принадлежащем перу известного немецкого философа И. Г. Фихте, в частности, можно прочесть: «Правительство должно, согласно установленным принципам, назначить цены всем предметам, поступающим в торговый оборот, и наблюдать на основании закона, чтобы они не были произвольно изменяемы. Таким образом, каждому обеспечивалось бы то, что ему следует, а не то, что дает слепой случай, эксплуатация ближнего и насилие. В таком государстве все граждане являются слугами целого общества и каждый из них получает следуемую ему часть из богатств этого целого. Никто не может особенно обогатиться, но никто не может и обеднеть. Каждому гражданину в отдельности и всему обществу обеспечено, таким образом, спокойное и равномерное существование». ¹⁴ Вплоть до конца 80-х гг. такое государственное назначение цен и с примерно той же аргументацией оставалось под именем «планового ценообразования», «государственной дисциплины цен» официальной доктриной политики цен в СССР.

Может ли «видимая рука» государства полностью заменить «невидимую руку» рынка, «левая» рука «правую»?

Утвердительный ответ на этот вопрос был дан итальянским экономистом Э. Бароне в статье «Министерство экономики коллективистского государства», опубликованной в 1908 г. Согласно Бароне, при определенных допущениях *теоретически* возможно обеспечить посредством командно-административных методов не

---

¹³Цит. по: *Бернацкий М. В.* Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 35.

¹⁴ *Фихте И. Г.* Замкнутое государство. СПб., 1883. С. 58–59. В этом государстве «введена» неконвертируемость «денег данной страны», государственная монополия внешней торговли, которая должна иметь исключительно бартерный характер, равенство оплаты труда, запрещены частные поездки граждан за границу и даже провозглашен лозунг: «Нельзя ждать. Надо завоевать природу искусством и техникой» (с. 63).

менее эффективное распределение ресурсов, чем посредством рынка. Из этой же возможности исходили, по-видимому, и авторы некоторых работ по теории оптимального планирования в СССР в период 60—70-х гг.

Иной ответ был дан русским философом и экономистом П. Б. Струве. «Оба эти идеала, — писал Струве, — в формальном смысле одинаково неосуществимы, одинаково утопичны. Общественно-экономический процесс не может ни сам до конца рационализироваться на основе свободной игры хозяйственных сил, ни быть до конца рационализирован велением какого-нибудь субъекта власти».¹⁵ Струве высказал убеждение в «имманентном дуализме» этого процесса. Опыт XX в., в том числе и опыт нашей страны, подтвердил справедливость этого вывода.

Дуализм, о котором писал Струве, проявился, в частности, в теории «рыночного социализма», разрабатывавшейся на Западе в 30–40-х гг. (О. Ланге, Ф. Тейлор, А. Лернер), а также в тезисе о «социалистическом рынке», выдвинутом некоторыми кругами в СССР на рубеже 90-х гг.

Реальное же подтверждение этот дуализм получил в *смешанной экономике*, существующей в большинстве развитых стран. Экономика смешанного типа регулируется и рынком, и государством, хотя в разных странах или в одной стране на разных этапах ее развития тот или иной способ регулирования оказывается явно преобладающим. Известны разные варианты организации экономики смешанного типа: «шведская модель», «социальное рыночное хозяйство» в Германии, японская, американская и другие модели. По мнению некоторых, командно-административная система в СССР в конечном счете эволюционировала (или выродилась) в экономику согласований, или бюрократический рынок, где отношения между выше- и нижестоящими представляли уже не столько отношения администрирования и исполнения, сколько отношения обмена.¹⁶

¹⁵ Струве П. Б. Хозяйство и цена. СПб.; М., 1913. Ч.1. С. 60.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, философ, политический деятель, профессор политической экономии Петербургского политехнического института, позже ординарный академик Академии наук, с 1923 г. в эмиграции.

¹⁶ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.

Господствовавшие в нашей стране до последнего времени командно-административные методы сочетались с использованием системы цен, играющей, конечно, несравненно более важную роль в странах с преобладанием рыночной экономики. Правда, в отличие от последних волевые, административные методы распространялись у нас и на систему ценообразования, установление уровня и соотношений цен различных товаров. С другой стороны, властное, государственное регулирование цен имело место на протяжении всей их писаной истории, хотя рамки и формы такого регулирования никогда не достигали тотального огосударствления ценообразования, характерного для командно-административной системы, существовавшей в нашей стране.¹⁷

Людей никогда не покидала мысль о желательности так или иначе покончить с конкуренцией. Но для этого необходимо преодолеть ограниченность ресурсов, либо сократив потребности до уровня возможностей общества, либо «развив» эти возможности до уровня потребностей. Творцы и приверженцы некоторых религиозных и философских систем проповедовали необходимость ограничения потребностей некоторым разумным уровнем потребления простого, живущего в естественных условиях человека. Другие, наоборот, связывали будущее «царство свободы» с высочайшей степенью развития производительных сил, когда все источники общественного богатства польются полным потоком, в результате чего сам собою осуществится принцип «каждому — по потребностям».

Рыночный механизм не претендует на то, чтобы полностью преодолеть ограниченность ресурсов, но он может ослабить, смягчить эту ограниченность. С одной стороны, рыночный механизм стимулирует наиболее полное и эффективное использование наличных ресурсов. И страны с развитой рыночной экономикой лидируют сегодня в научно-техническом прогрессе и социальном развитии. С другой же стороны, рыночный механизм возлагает бремя ограничения потребностей на каждого отдельного

---

¹⁷О государственном регулировании цен свидетельствуют законы вавилонского царя Хаммурапи, индийский кодекс Ману, эдикт римского императора Диоклетиана (301 г.) о «максимальных ценах» (*Архангельский С И Указ Диоклетиана о ценах. Нижний Новгород, 1928; Струве П. Б. Хозяйство и цена. С. 101–314*).

человека. Это достигается не посредством навязывания людям (или воспитания у них) какого-то «разумного» уровня потребностей, а путем преобразования потребностей в *платежеспособный спрос*.

Таким образом, «самостоятельность хотенья» каждого ограничивается его платежеспособностью, или, иначе, его готовностью *расплатиться* за удовлетворение одного своего «самостоятельного хотенья» самостоятельным же *отказом от удовлетворения* какого-то другого, менее важного для него «хотенья». Это может нравиться или не нравиться, но рынок ориентирован не на удовлетворение потребностей потребителей, а на удовлетворение спроса покупателей.

В условиях ограниченности ресурсов конкуренция за их использование неустраима, а борьба с ней бесперспективна. Можно принудить конкуренцию принять ту или иную форму, вытеснить ее на периферию экономической жизни, облегчить или затруднить процедуру выбора, даже лишить экономических агентов легального права осуществлять выбор, но за это придется платить определенную экономическую и социальную цену. Задача же состоит не в устранении (что невозможно) или подавлении (что возможно, но неэффективно) конкуренции, а в том, чтобы придать ей цивилизованные, достойные человека формы, заставить ее работать на благо людей.

1.4. ПОЗИТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Долгое время экономическая мысль, а затем и политическая экономия вмещали и изучение сущего, и конструирование должного, и выработку экономической политики. Лишь в конце XIX в. с формированием чистой экономической теории произошло обособление каждого из этих направлений. «*Положительная (positive) наука*, — писал Дж. Н. Кейнс, — может быть определена как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; *нормативная или регулятивная наука* — как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющих своим предметом идеальное, как нечто